
IN MEMORIAM

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.18

Правильная ссылка на статью:

Шульц И. Десятая жизнь, или Пражское наследие Бориса Грушина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 436—454. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.18>.

For citation:

Šulc I. (2020) Tenth Life, or the Prague Heritage of Boris Grushin. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 436—454. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.18>.

И. Шульц

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ПРАЖСКОЕ НАСЛЕДИЕ БОРИСА ГРУШИНА

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ, ИЛИ ПРАЖСКОЕ
НАСЛЕДИЕ БОРИСА ГРУШИНА

TENTH LIFE, OR THE PRAGUE HERITAGE
OF BORIS GRUSHIN

*ШУЛЬЦ Ирина — аспирантка кафедры исторической социологии факультета гуманитарных наук, Карлов университет, Прага, Чешская Республика
E-MAIL: irina.sulc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5164-3917>*

*Irina N. ŠULC¹ — Post-Graduate Student at the Department of Historical Sociology, Faculty of Humanitarian Sciences
E-MAIL: irina.sulc@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5164-3917>*

¹ Charles University, Prague, Czech Republic

Аннотация. В статье впервые отдельно рассматривается пражский период жизни и научной деятельности советского и российского ученого — социолога, философа, журналиста Бориса Грушина. Уже известные факты дополняются новыми документальными сведениями, включая воспоминания чешских современников. Борис Грушин обогатил чехословацкую и чешскую со-

Abstract. The article gives the first-ever specific examination of “the Prague Era” in the academic career and life of Boris Grushin, a Soviet and Russian sociologist, philosopher, journalist. The well-known facts are supplemented by the new evidence which includes the memoirs of his Czech contemporaries. Boris Grushin enriched Czechoslovak and Czech sociology and public life with

циологию и общественную жизнь двумя трудами: на чешский язык в 1972 г. была переведена его книга «Мнения о мире и мир мнений», а в 1985 г. на чешском языке вышел его сборник пивного фольклора «In pivo veritas». Личность Бориса Грушина, помещенная в контекст двух стран и эпох, дает новые перспективы для социологического воображения.

Ключевые слова: Борис Грушин, Пражская весна, Проблемы мира и социализма, чехословацкая социология, советская социология, пивной фольклор, массовое сознание, общественное мнение

Благодарность. Автор выражает благодарность журналисту Александру Братерскому за импульс к написанию статьи, а также доценту, основателю и завкафедрой исторической социологии Карлова университета Иржи Шубрту за консультации, поддержку и предоставление необходимых контактов.

Еще одна грушинская жизнь

В 2000 г. телеканал «Культура» снял документальный фильм о видном советском и российском социологе и философе Борисе Грушине. Фильм под названием «Цитаты из жизни» начинается с рассуждений главного героя: «Итак, речь идет, как я понимаю, о цитатах из жизни. И тут я задаю себе вопрос: а из какой, собственно, жизни? Ведь дело в том, что каждый человек, даже если он этого не осознает, проживает не одну жизнь, а несколько. И как личность прежде всего, как индивид, поскольку есть сфера того, что мы называем частной, приватной жизнью. И как член общества, как гражданин, который вместе со своим обществом проходит определенные исторические этапы»¹.

Борис Грушин поясняет теорию на личном примере. Родился он в период классического социализма, или сталинизма, затем следовал этап увядающего, или разлагающегося социализма и, наконец, посткоммунистическое (постсоциалистическое) общество. Ученый берет лист бумаги, ручку и строит матрицу. Три ствола: частная жизнь, профессиональная и публичная. И три пласта: времена Сталина,

two of his works: his book “Opinions of the World and the World of Opinions” translated into Czech in 1972 and his “In Pivo Veritas” beer folklore collection published in Czech in 1985. The personality of Boris Grushin, viewed in the context of two countries and eras, provides some new perspectives for the sociological imagination.

Keywords: Boris Grushin, Prague Spring, Problems of Peace and Socialism/World Marxist Review, Czechoslovak sociology, Soviet sociology, beer folklore, public opinion, mass consciousness

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Alexander Bratersky for the impetus to write this paper. Thanks also go to Jiří Šubrť, the founder and director of Department of Historical Sociology at Charles University (Prague), for his advice, support and useful contacts.

¹ Савельев В. Документальный фильм «Цитаты из жизни. Борис Грушин» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qPC6HTXzGqQ> (последний доступ: 06.02.2020).

годы правления Хрущева — Брежнева и, наконец, времена Горбачева — Ельцина. Получается девять клеток. Значит, им прожито минимум девять жизней. Здесь, говорит ученый, и возникает вопрос: о цитатах из какой жизни идет речь?

С матрицей, на наш взгляд, можно поспорить уже потому, что в биографии Бориса Грушина можно выделить еще одну «жизнь», о которой ученый в приведенном монологе не упомянул — пражскую. В Праге Борис Андреевич в общей сложности провел семь лет (с 1962 по 1965 гг. и с 1977 по 1981 гг.) в качестве сотрудника журнала «Проблемы мира и социализма»².

Эти периоды жизни и деятельности отрывочно освещались самим Борисом Андреевичем, его коллегами Э. А. Араб-Оглы и М. К. Мамардашвили [Араб-Оглы, 1999; Мамардашвили, 1992], а также со-основателем проекта «Международная биографическая инициатива», ученым-социологом Борисом Зусмановичем Докторовым [Докторов, 2005]. Последний, в частности, указывает на то, что применимо и к пражскому периоду Грушина: «При стремлении к познанию прошлого отечественной социологии через биографии ее активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погруженности в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы „оттепели“» [он же, 2014].

Задачи, цели, методология

Наши исследовательские задачи — обобщить разрозненные опубликованные свидетельства и дополнить их новыми данными, чтобы при помощи критического подхода реконструировать пражский период в жизни и научной деятельности Бориса Грушина. Предполагаем, что пражский период сыграл значительную роль в развитии научного, социального и человеческого мышления ученого. Цель — выяснить, какое наследие оставил после себя советский ученый в Праге (Чехословакии).

Мы воспользуемся качественным подходом к исследованию, а именно — биографическим анализом с использованием полуструктурированных интервью. Так, во-первых, мы проанализируем пражские воспоминания самого Бориса Грушина и его коллег; исследуем архивные статьи в чехословацких журналах и сборниках; интервью, диссертации, книги, в которых упомянут ученый; автографы, оставленные им чешским коллегам, а также любительскую съемку. Затем проведем интервью с чехами и словаками, знавшими Бориса Грушина.

Во-вторых, мы поместим исследуемую нами личность в социально-политический и культурный контекст Чехословакии того времени. Как отмечал Чарльз Райт Миллс, «жизнь индивида нельзя адекватно понять без учета особенностей тех институтов, внутри которых протекает его биография» [Миллс, 1998].

Исходя из этого, пражскую биографию Бориса Грушина следует сразу же разделить на два этапа не только потому, что это обусловлено хронологией. Необходимость вызвана и различиями в общественно-политическом климате

² «Сначала редактором, а потом консультантом по проблемам социологической науки и культуры шеф-редактора» [цит. по: Докторов, 2019: 405].

в Чехословакии разных периодов. Так, первое пребывание Бориса Грушина пришлось на зарождавшуюся «Пражскую весну», можно сказать «чехословацкую оттепель», второе же — на нормализацию, сравнимую с советским застоём. К тому же сотрудники журнала «Проблемы мира и социализма» находились под непосредственным влиянием политических процессов, происходивших в СССР, и под надзором Международного отдела ЦК КПСС. В 1960-х годах, после переезда в Прагу, Грушин оставался научным руководителем Института общественного мнения при газете «Комсомольская правда», и 8—10 раз в год из Праги приезжал в Москву [Грушин, 1999: 210]. То есть советские граждане, работавшие в журнале «Проблемы мира и социализма», так или иначе были включены в параллельные общественные процессы и могли переносить свой опыт и идеи в обоих направлениях. В связи с этим (пусть и с некоторой осторожностью) в фигуре Грушина пражского периода можно рассмотреть признаки, присущие так называемым транснациональным мигрантам — лицам, вовлеченным в процессы обоих обществ, при сохранении сильной связи со страной происхождения. Более того, в причинах переезда можно увидеть оба фактора — как притягивающий (pull) в первом периоде, так и выталкивающий (push) во втором. Позже мы найдем этому подтверждение.

Через чехов — к полякам

Впервые в Прагу Борис Грушин приехал в 1961 г. для участия в международном круглом столе социологов, подготовленном Э. А. Араб-Оглы в журнале «Проблемы мира и социализма». Организовать мероприятие, в котором принимали участие и марксистские социологи, и так называемые «ревизионисты», как вспоминает Э. А. Араб-Оглы, было непросто. Этому препятствовали как чехословацкие, так и советские деятели. Удалось пригласить польских социологов (А. Шаффа, З. Баумана, А. Павелчинскую и других) [Араб-Оглы, 1999: 365]: так завязалась дружба Грушина с польскими коллегами³ — в частности, с Зигмунтом Бауманом. Дружба получила продолжение, что подтверждает сам Грушин на любительской видеозаписи, сделанной в начале 1990-х годов в Чехии, предоставленной нам Любомиром Вацеком⁴: «Был такой известный социолог, Зигмунт Бауман, мой любимый, любимейший друг. Он живет в Лидсе. Первый раз за 30 лет он приезжал ко мне в Москву, мы так плакали с ним... Наташи не было, она была в Америке». Почему плакали? Наверняка их связывало нечто большее, чем профессиональные отношения. Грушин далее рассказывает, что Бауман воевал не в Армии Крайовой, а в советской армии⁵. Затем Борис

³ Интерес Грушина к польской социологии был, на наш взгляд, обусловлен тем, что к тому времени ИОМ «КП» «изучал опыт двух западных центров — Института Гэллага в США и Центра опросов общественного мнения Польского радио и телевидения» [Грушин, 2003: 65].

⁴ Любомир Вацек — чехословацкий социолог, научный сотрудник Института изучения общественного мнения ЧСАН (1969—1972). Занимался теоретическими вопросами исследования общественного мнения с позиций марксистской идеологии. Один из переводчиков книги Б. Грушина «Мнения о мире и мир мнений» на чешский язык. В настоящее время активный член Клуба общественных наук (Klub společenských věd — KSV).

⁵ На самом деле З. Бауман «добровольцем участвовал во Второй мировой войне в составе просоветского Войска польского» (цит. по: Мартынов К. К текущей вечности // InLiberty. 2017. 10 января. URL: <http://old.inliberty.ru/blog/2476-K-tekuchey-vechnosti> (последний доступ: 06.02.2020)).

Андреевич с сожалением вспоминает, как в Еванах (пригород Праги) собирал грибы и потерял шляпу, которая ему досталась от Баумана.

Участие в круглом столе в 1961 г. сыграло роль в дальнейшей частной и научной жизни Грушина. Э. А. Араб-Оглы вспоминает: «Надо заметить, что после того удалось взять на работу в журнал Б. Грушина, который, будучи в Праге, произвел хорошее впечатление на руководство» [там же]. А вот как Борис Грушин описывает это же событие: «Так, собственно, я впервые увидел Прагу и понял, что в этом международном журнале в принципе можно работать (раньше меня многое смущало). Тот „круглый стол“, ставший возможным благодаря личным знакомствам Араб-Оглы с видными фигурами того времени, получил очень серьезный отклик, потому что это была первая партийная поддержка социологии („Проблемы мира и социализма“ был все-таки международным органом коммунистических партий). До сих пор у социологии не было официальной партийной поддержки. Араб-Оглы опубликовал отчет об этой встрече, и потом долго-долго в борьбе с мастодонтами-истматчиками мы размахивали журналом, приводя цитаты из выступлений на „круглом столе“. У меня и сейчас хранится та публикация» [Грушин, 1999: 212—213].

Признаки оживления

В 1962 г. Борис Грушин добровольно переехал в Прагу, его притягивала интересная работа (pull factor). Это время, когда чехословацкая компартия рапортовала об «окончательной победе социализма и переходе к строительству коммунизма». В силу вступила новая Конституция с изменением названия страны на Чехословацкую Социалистическую Республику (ЧССР). По президентской амнистии освобождены политические заключенные. К концу года будет уничтожен гигантский монумент Сталину на Летне. Грушин вполне мог наблюдать взрыв памятника, простоявшего всего семь лет. Чехословакия вслед за СССР входила в период десталинизации. Уже в 1963 г. в Либлицком замке пройдет первая конференция, посвященная творчеству Франца Кафки: считается, что именно она стала предтечей Пражской весны. Одновременно чешский кинематограф захлестнет «новая волна». Мераб Мамардашвили вспоминал, что Грушин в Праге организовал клуб «Пражские встречи» (название придумал Мамардашвили), куда они приглашали чехословацких режиссеров «новой волны» — М. Формана, В. Хитилову, И. Немца, Э. Шорма — с их фильмами, смотрели и обсуждали. В СССР эти фильмы не пропускали [Мамардашвили, 1992: 356]. Как мы видим, атмосфера разряжалась, что благоприятствовало развитию многих сторон общественной жизни.

С собой в Прагу Грушин привез пачку анкет о разводах в СССР. Изучая их, он придет к своей главной научной теме — «массовому сознанию», и займется написанием диссертации, где определит общественное мнение через «массовое сознание» [Грушин, 1999: 211—212].

Отношения Грушина с главным редактором журнала А. М. Румянцевым складывались хорошо. Сразу после приезда в журнале вышла его статья «Pohled do Budoucnosti» («Взгляд в будущее») [Grušín, 1962]⁶ об опросах молодежи в СССР.

⁶ У нас был доступ только к хранящемуся в Академии наук ЧР архиву журнала «Проблемы мира и социализма» на чешском языке («Otázky Míru a Socialism: Teoretický a Informační Časopis Komunistických a Dělnických Stran»). Использованы выпуски журнала следующих временных промежутков: 1961—1965 и 1977—1981.

С 1963 по 1965 гг. с участием Грушина было проведено первое в истории международное социологическое исследование в странах социализма — Болгарии, Венгрии, Польше и Советском Союзе. Результаты по Польше и Болгарии были опубликованы в «Проблемах мира и социализма», включая чешскую языковую версию. Однако смена главного редактора (в 1964 г. им стал Ю. П. Францев) застопорила дальнейшие публикации. Грушин вспоминал: «Францев, по сути, не дал возможности завершить крупное международное исследование. Оно было изуродовано, и в конце 1965 г. я вынужден был уйти из журнала» [Грушин, 1999: 213]. Примечательно, что в 1968 г. не посла, а именно главреда Ю. П. Францева советское руководство обвинит в том, что он «проглядел нарастающие критические события в Чехословакии» [Семенов, 1999: 439].

От любви — к науке или от любви к науке?

Уйти из журнала означало уехать из Праги — из города, в который Борис Грушин влюбился с первого взгляда. Об этом он впоследствии расскажет в главе «Запоздавшее признание в любви» в своем сборнике пражского пивного фольклора «In Pivo Veritas»: «Этому страстному желанию быть в постоянном чувственном контакте с Прагой я отдавал в течение года практически все свое свободное время без оглядки на отдых, товарищеские обязательства, хождение в гости и нормальный сон. И потом, как известно и как происходит в каждой любви, мое отношение к городу приняло новую форму, и наступил новый этап, когда мне захотелось каким-то образом выразить свои чувства, высказать их вслух, дать им выход в делах, поступках и в позитивном действии» [Grušin, 1985: 11].

Все выходные Борис Андреевич гуляет по пражским улочкам и закоулкам, проводит на улицах Целетна и Неруды, где с соблюдением мельчайших деталей зарисовывает дома и дворцы. Затем наступает эпистолярный этап: Грушин в письмах друзьям в «Комсомольскую правду» с упоением рассказывает о Праге. Наконец, решается повторить «подвиг» чешского математика и философа Бернарда Больцано, совершенный 150 лет назад — подсчитать и описать пражские башни, но уже с современным подходом — издать фотоальбом [ibid.: 12]. Однако ни одно из начинаний по разным причинам не находит логического завершения. Озарение приходит в мае 1964 г.: ученый решает собрать и систематизировать тексты из пражских пивных. Грушина интересовали как сами аналоговые тексты, так и их происхождение, социальная функция. В фильме «Цитаты из жизни» он расскажет: «В поисках материала под теорию массового сознания я затеял ходьбу по пражским пивным с тем чтобы собрать пивной фольклор, то есть настенные тексты разного рода, которые присутствуют в пражских пивных и выражают отношение между пивом и разными частями чешского народа, в частности, пражанами»⁷.

Свое исследование он назовет «Операция 800», где число отражает примерное количество пражских питейных заведений в 1964 г. Грушин прикидывает, сколько потребуется времени, чтобы обойти все — выходит не меньше трех-четырёх лет при регулярном посещении нескольких пивных с частотой два раза в неделю.

⁷ Савельев В. Документальный фильм «Цитаты из жизни. Борис Грушин» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qPC6HTXzGqQ> (последний доступ: 06.02.2020).

За первый год Грушину удалось посетить 192 заведения. Он увлечен своим делом, категорически отказывается уменьшить число пивных, так как боится, что упустит самые интересные афоризмы. Его девиз: «Все или ничего!» [ibid.: 18].

Основываясь на воспоминаниях Грушина, мы видим, что его модель поведения похожа на поведение мигранта, восторженно воспринимающего страну своего переезда в первые годы жизни. Важно также отметить многочисленные попытки Грушина включиться в процесс сохранения памяти обо всем пражском, что может исчезнуть — башни, дома, дворцы, пивной фольклор... Что это? Подсознательное желание связать себя с объектом почитания? Эмоциональный подъем на фоне общей атмосферы оптимизма и вместе с тем социологическая интуиция, подсказывающая, что скоро все может измениться, закончиться? Или Грушин, по меткому определению Л. В. Карпинского, и есть та самая «социологическая машина»? [Карпинский, 1999: 195].

Чехословацкая социология

Отъезд Бориса Грушина на родину пришелся на новый этап в становлении чехословацкой социологии. В 1965 г. социология в ее марксистской перспективе признается как наука на уровне ЦК Коммунистической партии Чехословакии. В 1964 г. основывается Чехословацкое социологическое общество при ЧСАН (Československá Sociologická Společnost při ČSAV), в которое на подъеме интереса к социологии входит 748 членов и которое стало предтечей открытия в 1965 г. Социологического института при Академии наук ЧССР. В 1967 г. в Праге при Социологическом институте возникает Институт изучения общественного мнения⁸. Одновременно основывается несколько кафедр социологии: при Высшей партийной школе, на философском факультете Карлова университета и на философском факультете в Брно. Начинает издаваться «Социологический журнал».

В СССР происходят схожие процессы. И хотя в 1967 г. в Москве закроют Институт изучения общественного мнения при «Комсомольской правде», Грушин опубликует книгу «Мнения о мире и мир мнений» [Грушин, 1967]. В том же году начнется масштабный и непростой «Таганрогский проект» (1967—1974 гг.).

Рамки и тема статьи не позволяют нам подробнее остановиться на сравнении истории советской и чехословацкой социологии, которое могло бы открыть много новых связей. Надеемся, что эти аспекты окажутся интересными для отдельного исследования.

Пражская весна и «Проблемы мира и социализма»

Чехословакия тем временем переживает один из самых трагических периодов своей истории — в августе 1968 г. в страну, якобы для подавления контрреволюции, вводятся войска Варшавского договора. Идее «социализма с человеческим лицом» ломают хребет. Через полгода актом самосожжения против апатии чехословацкого общества заканчивает жизнь студент философского факультета Ян Палах, который впоследствии станет символом молчаливого сопротивления.

⁸ Новая институция должна была продолжить традиции первого послевоенного Института изучения общественного мнения в Чехословакии, основанного в 1946 г. при Министерстве информации и закрытого в 1950 г. в связи с кампанией против «буржуазной лженауки».

Компартия СССР не случайно после событий Пражской весны ополчилась именно на главреда «Проблем мира и социализма». Однако он, как и другие редакторы и сотрудники журнала, не «проглядели» изменения в обществе: они все видели и понимали, были внутри процессов. «Надо сказать,— вспоминает Э. А. Араб-Оглы,— что в Праге уже работали, кроме нас с Грушиным, И. Фролов, М. Мамардашвили, Ю. Карякин; была возможность, пользуясь доверием главного редактора, рекомендовать людей. И мы организовывали на международном уровне обсуждение проблем демократии, антикоммунизма, теории постиндустриального общества. Скажем, первый раз идея о том, что общечеловеческие интересы выше классовых (со ссылкой на В. И. Ленина), прозвучала в передовой статье, которую я в 1965 г. написал для „Проблем мира и социализма“. Помню, я прямо говорил Мамардашвили, что я не марксист — да и он, конечно, не был марксистом» [Араб-Оглы, 1999: 366].

Подтверждение этому тезису мы находим у В. С. Семенова: «Еврокоммунизм и родился потому, что в странах Западной Европы коммунисты не могли принять наш „реальный социализм“ — без широкой демократии, плюрализма мнений, без прав человека и разнообразия культурных ценностей. Францев понимал, что укреплять социализм можно только путем его развития и обновления, и глубоко переживал, что ничего не мог сделать в этом отношении. Так же как Румянцев, как Федосеев. И получалось, что они работали „на вождя“ (к тому же весьма ограниченного), в то время как стремились работать на страну, на мысль, на науку» [Семенов, 1999: 439]. Полагаем, в дальнейшем исследователям еще предстоит изучить взаимовлияние «Проблем мира и социализма» и Пражской весны. В частности, в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ) хранится частично рассекреченный архив журнала⁹.

Третий — после Гэллапа и Ноэль-Нойман

С 1969 г. в Чехословакии начинается период так называемой нормализации, архитектором которой становится новый руководитель страны Густав Гусак. Считается, что компартия и общество заключили негласный общественный договор, по которому государство обеспечивает относительно высокий уровень жизни населения, а население, в свою очередь, не участвует в оппозиционных политических акциях. С интеллектуалами, которые не желают обслуживать власть, у коммунистического руководства свои счеты: начинаются политические репрессии. Социология снова становится «буржуазной наукой». Кафедры закрываются. После политических проверок и чисток в Чехословацком социологическом обществе остается менее половины членов. Институт изучения общественного мнения в Праге закрывают в 1972 г., а вместо него в ведомстве Федерального статистического управления открывают Кабинет изучения общественного мнения. В этом же году на чешском языке, исключительно благодаря стараниям сотрудников Института, выходит перевод книги Бориса Грушина «Мнения о мире и мир мнений» [Grušín, 1972]. Таким образом чехословацкая социология в области изучения общественного мнения пополняется еще одним иностранным трудом.

⁹ РГАНИ. Опись 1. Документы редакции журнала «Проблемы мира и социализма». 743 ед. хр. Крайние даты: август 1949 г. — июль 1990 г. Рассекречено частично.

До Грушина на чешский язык были переведены только Дж. Гэллуп [Gallup, 1948] и Э. Нозель-Нойман [Noellová, 1968].

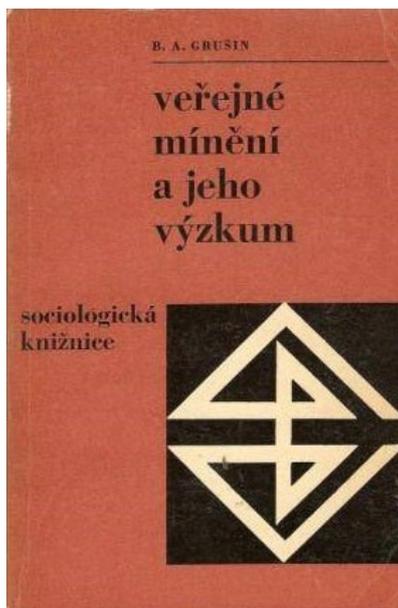

Рис. 1. Обложка чешского перевода книги Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире»¹⁰

Любомир Вацек: «Инициировал перевод книги Грушина гуру чехословацкой социологии Ченек Адамец, который был знаком с Дж. Гэллапом. Мы ему (Грушину — прим. авт.) написали письмо, согласен ли он с тем, что мы переводим его книгу на чешский. Он ответил директору Института изучения общественного мнения в Праге (Яромире Заплеталовой — прим. авт.), что согласен, и спросил, будут ли это только какие-то части книги. Мы ответили, что целиком. Нас было четыре переводчика: я, Ченек Адамец, Йозеф Бечварж, Владимир Каливода. Мы быстро работали и через год книга вышла».

Иржи Шубрт¹¹: «Грушин, по моему мнению, был важен потому, что ему удалось протолкнуть в 1960-х гг., в тогда зарождающейся советской социологии, исследования общественного мнения на основе современных способов статистической выборки, которые работают с анализом данных выбранных респондентов. В тот период его оппонентом был Уледов, который занимался, с моей точки зрения, спекулятивно, теорией структуры общественного сознания, и отрицал возможность использования выборки и с ними связанных статистических процедур как чего-то ненаучного и необоснованного. В начале нормализации у нас все шло к тому, что исследования общественного мнения как буржуазный предрассудок будут отменены. И только книга Грушина в то время была единственным аргументом того,

¹⁰ Источник: Национальная библиотека Чешской Республики.

¹¹ Иржи Шубрт — известный чешский социолог, доцент, основатель и заведующий кафедрой исторической социологии на факультете гуманитарных наук Карлова университета, научный руководитель автора данной статьи.

что раз исследования общественного сознания существуют в Советском Союзе, почему бы им не существовать у нас».

Эмиграция в «Проблемы мира и социализма»

В 1977 г. Борис Грушин возвращается в Чехословакию уже вынужденно, под давлением (push factor). В. В. Колбановский вспоминает: «Объектом следующей атаки стал Б. А. Грушин. Лишенный эмпирической базы и лучших сотрудников, он был принужден к эмиграции в „Проблемы мира и социализма“. Инструктор отдела науки и куратор ИКСИ¹² Г. Г. Квасов говорил ему: „Старик, в Москве для тебя места нет“. В 1979 г. на одной из узких улочек старой Варшавы я увидел знакомую энергичную фигуру Бориса:

*Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и крепко обнялись» [Колбановский, 1999: 40].*

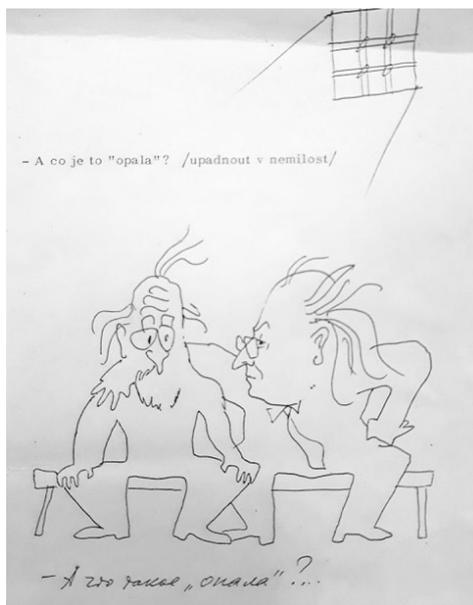

Рис. 2. Дружеский шарж на Б. Грушина и И. Филипца. Автор — Александр Рубцов¹³

Бланка Филипцова¹⁴ сохранила уникальный самодельный плакат с рисунками А. Рубцова¹⁵, сделанными им в 1988 г. на чехословацко-советском симпозиуме

¹² Институт конкретных социальных исследований. Подробнее см. [Пугачева, 1994].

¹³ Источник: личный архив Бланки Филипцовой.

¹⁴ Бланка Филипцова — чехословацкий социолог. В 1960-х годах стояла у истоков «социологии свободного времени», а в период нормализации вместе с мужем, Индржихом Филипцом, была ведущим сотрудником Института философии и социологии ЧСАН. Филипцовы и Грушины дружили семьями.

¹⁵ Александр Вадимович Рубцов (род. 1951) — в настоящее время руководитель Центра философских исследований идеологических процессов, зам. зав. Отделом аксиологии и философской антропологии Института философии РАН.

«Структура и субъекты общественного сознания в современном социалистическом обществе». На плакате в дружеских шаржах изображены чешский социолог Индржих Филипец и советские коллеги — профессора Михайлов и Грушин. На одном из рисунков в комнате с тюремным окном сидят Филипец и Грушин и обсуждают философско-лингвистический вопрос: «А что такое „опала“?»¹⁶. Об опале оба знали не понаслышке.

Любомир Вацек вспоминает, что у Грушина в Праге было много знакомых: «Точно могу сказать, что здесь он встречался с немцами — вероятнее всего, это были люди Элизабет Нозль-Нойман. Институт изучения общественного мнения поддерживал с ней контакт, хотя это было сложно, так как она была из Западной Германии. Встречался он с директором Социологического института Радованом Рихтой, знали его люди и из чешского Социологического общества, существовавшего с 1965 года».

В 2019 г. Иржи Шубрт в университетской библиотеке г. Констанц (Германия) обнаружил книгу [Grusin et al., 1970], которая состоит из четырех объемных разделов. Автор одного из них — Борис Грушин.

В поисках пражской истины

В 1977 г., по прошествии 12 лет, Грушин возвращается к своей «Операции 800», или, как он ее называет иначе, IPV («In Pivo Veritas»), и обнаруживает прискорбный факт: в связи с развитием городской инфраструктуры исчезло 84 пивных из его первоначального списка. В 1974 г. в Праге открывается метро, строится Нусельский мост, автомобильные и железнодорожные развязки. Изменилась не только Прага, но и сам Грушин. Получив огромный опыт на «Таганрогском проекте», он уже не так легкомысленно, как в первый период, подходит к своему исследованию. На определенном этапе он понимает, что ему не хватает знания чешского языка и глубинных реалий, чтобы понять и обобщить фольклор [Grušin, 1985: 22]. В этом ему помогают, как чехи (тот же Любомир Вацек), так и русские. В Праге Борис Грушин знакомится с историком Иваном Савицким, сыном эмигранта Петра Савицкого, одного из основателей евразийского учения. Вместе они обошли не одну пивную, подтвердила нам вдова историка, Этери Савицкая. Для Ивана Петровича, родившегося в Чехословакии, и чешский язык, и чешский менталитет были вторыми родными. В то время дружба с сыном бывшего заключенного ГУЛАГа и белоэмигранта для советского командировочного могла быть чревата неприятностями. Но задумывался ли над этим Грушин?

Перед завершением своей командировки, в конце 1981 г., Борис Грушин сдает книгу для оформления известнейшему в Чехословакии художнику-карикатуристу Иржи Винтеру (псевдоним — Непракта). В ноябрьском номере журнала Praha '81 выходит интервью с Грушиным, где он рассказывает, что его книга — это попытка сохранить пражский пивной фольклор: «<...> дух и характер пражских пивных — ключительный. И не только из-за атмосферы, но и из-за текстов высокого качества, которые исходят от духа вашего народа. Пивные — это важное место в жизни пражан, где столетиями создается клубная атмосфера, где решаются каждодневные проблемы, где собирается костяк одного и того же общества» [Na Stěnách..., 1981].

¹⁶ В чешском языке для обозначения этого понятия используется выражение “upadnout v nemilost”.

Рис. 3. Страница из № 11 журнала Praha '81, интервью с Борисом Грушиным¹⁷

Рис. 4. Обложка Приложения к № 12 журнала Praha '81, посвященного планируемому выходу книги «In Pivo Veritas». Художник — Иржи Винтер (Непракта)¹⁸

¹⁷ Источник: Городская библиотека г. Праги.

¹⁸ Источник: Городская библиотека г. Праги.

Борис Грушин точно все подметил: только в пивных во времена реакции или застоя, среди своих же, чехи могли свободно высказываться. В пражских пивных происходило то же самое, что на советских кухнях. Мог ли в таком случае русского-ворящий чужак, представитель страны, чьи танки еще недавно вторглись на территорию Чехословакии, просто зайти в пивную и влиться в клубное общество? Если в туристических пивных в центре города такое еще представляется возможным, то на окраинах — нет. Только если его туда вводил завсегдатай — это в идеале, в остальных случаях сопровождающий должен был говорить на родном чешском. Грушин чешский понимал, говорил, но этого было недостаточно. Однако о сложностях он упоминает мельком. Только два раза он столкнулся с негативной реакцией. В основном отношение было позитивным, ему помогали записывать выражения и объясняли суть [Grušin, 1985: 28]. Но мог ли он в 1981 г. написать иначе?

Истории с книгой

В декабрьском номере журнала Praha'81 редакция делает своим читателям подарок к Новому году — издает приложение с выдержками и иллюстрациями из будущей книги «In Pivo Veritas» [Praha Svým Čtenářům, 1981]. Однако сама книга будет издана только в 1985 г. Иллюстратор Иржи Винтер в мемуарах «Tučná Linka Černou Tuží» («Жирная линия черной тушью») рассказывает, как проходила работа: «Я получил цитаты для иллюстрирования, но дата не была точно установлена, и я постоянно откладывал. Потом мне пришло вежливое письмо от товарища Ауерсперга, значимого члена ЦК КПЧ, который занимался международными отношениями (письмо я сохранил, потому что у него была очень красивая подпись). Он писал, что для них Грушин важен, потому что это известный ученый с сердечным отношением к чехословацкому народу, и что это могла бы быть прекрасная книга, и он упрощает меня как можно быстрее закончить работу. Просьба значимого функционера меня подогнала, я изготовил 50 рисунков ко всему, что можно было проиллюстрировать, книга получилась неплохой, и всем понравилась» [Winter-Nepakta, Корецкú, 2012: 196]. Добавим, что Павел Ауерсперг также написал вступление к книге «In Pivo Veritas».

«Казалось бы, — вспоминает Борис Грушин — должен был быть безусловный успех, но и тут не обошлось без проблем. Мы влипли в историю с антиалкогольной пропагандой, которую ЦК КПСС затеял усилиями М. С. Горбачева и Егора Лигачева. Готовый тираж книги был приостановлен. И не просто приостановлен. Был грозный звонок из посольства министру культуры Чехословакии. Текст был такой: „Мы не можем позволить, чтобы наш советский профессор в пору, когда КПСС борется с алкоголизмом, вдруг занимался пропагандой алкоголя!“ Но надо сказать, что в высших эшелонах чешской власти хватало не только юмора, но и здравого смысла. Поэтому тираж книги не был уничтожен, он был припрятан на несколько лет. И спустя только три-четыре года эта книжка вышла перед Рождеством и была распродана, как мне сказали, в течение двух дней»¹⁹. Однако книге предстояло еще одно испытание. Авторские экземпляры, отосланные пражским издательством

¹⁹ Савельев В. Документальный фильм «Цитаты из жизни. Борис Грушин» // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qPC6HTXzGqQ> (последний доступ: 06.02.2020).

в Москву, на границе задержали, сочтя веселые и не по-советски откровенные рисунки Иржи Винтера порнографией.

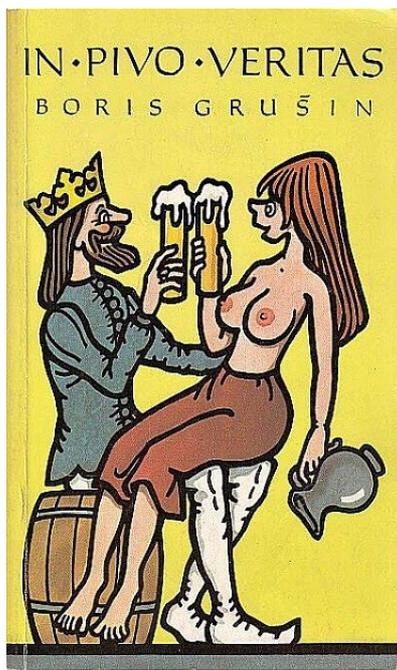

Рис. 5. Обложка книги «In Pivo Veritas». Художник — Иржи Винтер (Непракта)²⁰

Успех книги, вышедшей тиражом 10 000 экземпляров (и стоимостью 13 крон), подтверждает Любомир Вацек. Парадоксально, но до Грушина никто из чехов не догадался собрать и издать пивной фольклор! Его идея настолько понравилась тогдашнему главе столицы Зденеку Зуске (именно при нем в Праге начнется строительство, в результате которого исчезнут многие исторические пивные — прим. авт.), высокому партийному функционеру с социологическим образованием, что он пообещал Грушину выписать «документ» на бесплатное пиво во всех питейных заведениях. Об этом Борис Грушин рассказал в интервью Ивану Толстому на «Радио Свобода» [Грушин, 2010]. О чем Борис Андреевич умалчал, так это об обещании городского головы сделать его почетным гражданином Праги. Об этом упоминает дочь Ольга в некрологе Борису Грушину, опубликованном в *The New York Times*²¹, а также вдова Ивана Савицкого — Этери Савицкая — в личном разговоре. Меж тем, мы не нашли свидетельств того, чтобы обещания были выполнены. Почетными гражданами Праги в те времена становились исключительно советские генералы и космонавты.

²⁰ Источник: Городская библиотека г. Праги.

²¹ Goldstein R. (2007) Boris Grushin, Pioneer Soviet Pollster, Is Dead at 78. *The New York Times*. September, 24. URL: www.nytimes.com/2007/09/24/world/europe/24grushin.html (accessed: 06.02.2020).

Чехи о Грушине

Каким запомнился Борис Грушин чехам, его современникам, с которыми нам удалось поговорить? Прежде всего, организатором высшего класса, мыслителем, интеллектуалом, ученым, оставившим значимый след в разработке теории общественного мнения в мировом масштабе.

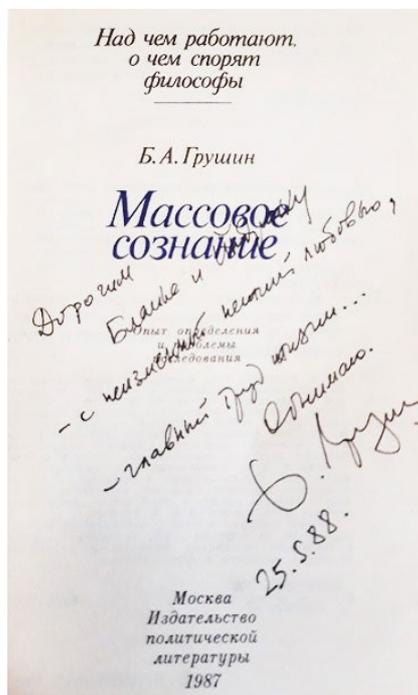

Рис. 6. Автограф на книге «Массовое сознание» Бланке и Индржиху Филипповым²²

Ян Мишович²³: «Грушин и Хабермас независимо друг от друга поняли, что общественное мнение имеет два слоя. Есть слой поверхностный, а есть глубинный. Каждый объясняет это по-своему, но, по сути, они сходятся в том, что общественное мнение структурируется таким способом, и что поверхностный слой изменяется и находится под влиянием СМИ. А глубинный слой остается относительно стабильным».

Любомир Вацек: «Грушин у нас считался профессиональной элитой и был известен всем. На некоторых факультетах, например, на философском, на факультете журналистики Карлова университета, книга Грушина была среди обязательных к прочтению. Он улучшил метод Гэллала, в основном в теоретической части. Гэллал не был теоретиком».

²² Источник: личный архив Бланки Филипповой.

²³ Ян Мишович — чешский социолог словацкого происхождения. Долголетний сотрудник чехословацкого Института изучения общественного мнения. В настоящее время является членом Клуба общественных наук (Klub Společenských Věd — KSV), преподает социологию в вузах.

Бланка Филипцова: «Мы дружили с Борей и его семьей, Натальей и Оленькой. Встречались у нас дома, он ездил с нами на дачу. Борис и Игорь Семенович Кон — это были два человека, которые для нас представляли связь с самой прекрасной и высокой русской культурой, в частности, с литературой. Бориса мы полюбили за его живость, с которой он любил свою профессию, с которой защищал свои взгляды. Мой муж (социолог Индржих Филипек — *прим. авт.*) был таким же. Это был один тип марксистских мыслителей, к которым относились Борис и мой муж. Они знали мировую литературу и периодически пытались противопоставить наш мир западному, а таких мыслителей было мало. Это была их заслуга, но и риск. Умение сравнить две системы с позиции людей, которые были подлинными марксистами²⁴, и верили, что социализм жизнеспособен и поправим, было очень важным. Борис делал очень большую работу для своей страны».

Рис. 7. Дружеский шарж на Б. Грушина. Автор — Александр Рубцов²⁵

Грушин как миссия и как ключ к новым исследованиям

Несмотря на интенсивное исследование, проведенное в течение четырех месяцев, мы не можем утверждать, что тема «пражского наследия» Бориса Грушина до конца исчерпана. Однако произведенная реконструкция пражской биографии ученого позволяет сделать несколько выводов, которые можно разделить на две части.

²⁴ Подробно на марксизме Грушина как методе анализа устройства мира останавливается Б. Докторов в книге «Все мы вышли из “грушинской шинели”» [2014]. В нашем распоряжении оказался автограф Б. Грушина Л. Вацеку — «Любомиру — с огромной благодарностью за помощь в распространении марксистских взглядов на сложные проблемы общественного мнения. С дружбой (подпись). 10 мая 1979», а также оценка Б. Филипцовой. Грушин не был догматиком марксизма, но философом и сторонником марксистской модели естественного мира и общества.

²⁵ Источник: личный архив Бланки Филипцовой.

1. Грушин как миссия.

Первое пребывание Грушина в Праге, его активное взаимодействие в научных кругах, возможно, сыграло определяющую роль в инициативе перевести книгу «Мнения о мире и мир мнений» на чешский язык. Насколько нам известно, это был единственный перевод грушинского труда на иностранный язык. Впоследствии книга повлияла на развитие изучения общественного мнения в стране и даже в какой-то мере в период реакции помогла его сохранить.

Книга пражского пивного фольклора «In Pivo Veritas», составленная профессиональным социологом, в современной Чехии незаслуженно забыта, хотя хранит в себе богатейший материал для изучения. Это книга с открытым финалом. Сам автор в предисловии передает эстафету для дальнейшего анализа аналоговых текстов (всего их вошло в книгу 360) другим исследователям — историкам, социологам, лингвистам, писателям, знатокам традиций, народного юмора и языка [Grušín, 1985: 28]. От себя добавим, что по прошествии 40 лет книга является бесценным источником для социологов, занимающихся повседневностью Праги времен социализма. При всем богатстве «пивной» литературы в Чехии, исследование Бориса Грушина остается уникальным.

Миссия Грушина в Праге, хотел он этого или нет, была человеческой. Не зря мы искали и находили у него черты «транснационального мигранта». Грушин умел слиться с новым обществом, не отрываясь от своего происхождения, и, судя по отзывам, стать достойным представителем русской культуры.

2. Грушин как ключ.

В ходе исследования мы поняли, что не только «открываем пражского Грушина», но и Грушин нам многое открывает. Так мы пришли к мысли о сравнении истории советской и чехословацкой социологии, о рассмотрении роли журнала «Проблемы мира и социализма» в контексте Пражской весны. И, возможно, о новом подходе к изучению биографий советских и российских социологов — с перспективы рассмотрения их биографических циклов.

Список литературы (References)

Араб-Оглы Э. А. Тогда казалось, что кое-что удавалось // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 358—370.

Arab-Ogly E. A. (1999) Then it Seemed Like Something was Working Out. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 358—370. (In Russ.)

Грушин Б. А. Горький вкус не востребоованности // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 205—228.

Grushin B. A. (1999) A Bitter Taste of the Unclaim. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 205—228. (In Russ.)

Грушин Б. А. Институт общественного мнения «Комсомольской правды» // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2003. № 1 (63). С. 60—74.

Grushin B. A. (2003) Institute of Public Opinion of «Komsomolskaya Pravda». *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1 (63). P. 60—74. (In Russ.)

Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.

Grushin B. A. (1967) *Opinions on the World and the World of Opinions: Problems of Methodology of Public Opinion Research*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Грушин Б. А. О пиве — поверх барьеров // Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010.

Grushin B. A. (2010) About Beer — Over the Barriers. In: Anikina M. E., Khrul V. M. (eds.) *Discovering Grushin*. Moscow: The Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Докторов Б. З. Все мы вышли из «грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014.

Doktorov B. Z. (2014) We All Come from «Grushin's Overcoat». On the 85th Anniversary of B. A. Grushin. Moscow: Raduga. (In Russ.)

Докторов Б. З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019.

Doktorov B. Z. (2019) *Founding Fathers: A History of Public Opinion Studies*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

Докторов Б. З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.

Doktorov, B. Z. (2005) *Pioneers of Opinion World: From Gallup to Grushin*. Moscow: Institute of «Public Opinion» Foundation. (In Russ.)

Карпинский Л. В. Работали свободно — и хорошо работали // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 190—204.

Karpinskiy L. V. (1999) Worked Freely — And Worked Well. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 190—204. (In Russ.)

Колбановский В. В. К истории постсталинской социологии // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999. С. 18—41.

Kolbanovskiy V. V. (1999) To the History of Post-Stalin Sociology. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 18—41. (In Russ.)

Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / сост. и общ. ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1992.

Mamardashvili M. K. (1992) *How I Understand Philosophy* / ed. by Yu. P. Senokosova. Moscow: Progress. (In Russ.)

Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под ред. Г. С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.

Mills C. W. (1998) *Sociological Imagination* / ed. by G. S. Batygin. Moscow: Strategiya. (In Russ.)

Пугачева М. Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1968—1972 // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 158—172.

Pugacheva M. G. (1994) Institute for Concrete Social Research of Academy of Sciences of the USSR, 1968—1972. *Sociological Journal*. No. 2. P. 158—172. (In Russ.)

Семенов В. С. Наука — выше политики // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 428—439.

Semenov V. S. (1999) Science is Above Politics. In: Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 428—439. (In Russ.)

Gallup G. (1948) *Průvodce po Výzkumu Veřejného Mínění*. Prague: Orbis. (In Czech).

Grusin B., Skorzinsky Z., Stajkov S., Szántó M. (1970) *Die freie Zeit als Problem: Soziologische Untersuchungen in Bulgarien, Polen, Ungarn und der Sowjetunion* / ed. by A. Harttung. Berlin: Berlin — Verlag. (In German).

Grušin B. A. (1962) *Pohled do Budoucnosti. Otázky Míru a Socialism*. No. 10. (In Czech).

Grušin B. A. (1972) *Veřejné Mínění a Jeho Výzkum*. Prague: Svoboda. (In Czech).

Grušin B. A. (1985) *In Pivo Veritas — Sentence, Aforismy a Další Pozoruhodné Texty z Pražských Restaurací, Hstinců a Pivnic*. Prague: Merkur. (In Czech).

Na Stěnách Pražských Hospůdek. *Praha*. 1981. No. 11. P. 30—31. (In Czech).

Noellová E. (1968) *Výzkum Veřejného Mínění*. Prague: Svoboda, 1968. (In Czech).

Praha Svým Čtenářům. Příloha. Praha. 1981. No. 12. (In Czech).

Winter-Nepakta J., Kopecký J. (2012) *Tučná Linka Černou Tuší*. Prague: Epoque. (In Czech).